

ОТ РЕДАКЦИИ

С определенной точки зрения всякая культурная традиция может рассматриваться как «библиотека текстов» — если использовать этот последний термин в широком, семиотическом смысле слова, имея в виду разные способы кодирования «культурного сообщения»: вербальные (письменные и устные), акциональные (обряд, обычай, церемониал), предметные (артефакты и нерукотворные объекты внешнего мира в их символических значениях), изобразительные и т. д. Текст есть единственно возможная форма сохранения и передачи знаний, а за его содержательным наполнением стоят представления религиозно-мифологического, исторического, аксиологического, бытового характера, которые в своей совокупности составляют картину мира того или иного сообщества (этнического, территориального, социального), причем главным носителем культурной информации несомненно является текст словесный.

Процесс продуцирования текста связан с жанровой моделью, т. е. с ограниченным набором правил текстопорождения, относящимся именно к данной группе текстов, и с обусловленной этим жанром моделью мира. Подобные правила могут быть прямо прописаны в некоторых профессионализованных традициях, однако в остальных случаях они обычно не эксплицируются, будучи «защиты» — вместе с прочими элементами «программного обеспечения» традиции — в структуры самих текстов. Отсюда следует и специфический статус организующих их моделей («суперструктур») и рекомбинированных в акте текстуализации элементов (содержательного и формального планов). Возможность же понимания текста обусловлена языковой и культурной компетенцией слушающего, его фоновыми знаниями, что предполагает извлечение из памяти уместных ментальных репрезентаций, как и набора представлений, соотнесенных с тем «возможным миром», в рамках которого производится расшифровка текста.

Таким образом, «текст» в вышеописанном значении можно считать первичной данностью культуры, а акт его трансмиссии — основным звеном коммуникативных цепочек, составляющих культурную традицию. Соответственно, анализ текста является базовой исследовательской процедурой во многих гуманитарных науках. Именно с анализа текста начинается изучение своего предмета большая часть гуманитарных наук — филологических, культурологических, фольклорно-антропологических и др.

Многообразие «культурных текстов» предполагает наличие широкого спектра приемов, сознательно или неосознанно используемых для анализа текстов в разных научных областях, хотя должны существовать и некие общие принципы, лежащие в основе процедур подобного рода. В той или иной степени исследователь сталкивается с такими теоретическими и практическими проблемами, как определение границ текста, соотношение текста и контекста; сегментация текста на смысловые фрагменты; посегментное извлечение из этих фрагментов содержательной информации, установление получаемой при этом «иерархии смыслов», определение доминантных и факультативных «единиц сообщения»; учет семантической многослойности анализируемого

материала — культурно-специфической и исторической; сочетание техники анализа и практики интерпретации; переход от синтагматического уровня анализа к парадигматическому.

Предлагаемый вниманию читателей номер журнала «Шаги / Steps» посвящен анализу культурного текста — литературного, исторического, дневникового, а также проблеме соотношения текстов вербального и визуального.

Номер открывают статьи, которые затрагивают вопросы методологии. **А. Е. Ефименко** обращается к вопросу о разграничении фабулы и сюжета художественного текста, анализируя использование этих категорий в литературоведении (от наследия формалистов, исключительную ценность которого для осмысления данной проблематики подчеркивает автор, до современной нарратологии) и предлагая новое понимание сюжетологии. Иной тип текста — устный — рассматривает **В. А. Черванёва**, предметом внимания которой становится дейктическая организация фольклорного мифологического нарратива: как показывает автор, употребление форм 1-го и 3-го лица в рассказах о встрече с мифологическими персонажами обусловлено прежде всего особенностями коммуникативной ситуации.

Отдельную рубрику составили статьи, авторы которых предпринимают анализ художественного текста — от отдельных фрагментов литературных произведений до различных аспектов творчества того или иного автора. **С. Н. Зенкин** подробно рассматривает повествовательные механизмы, обеспечивающие функционирование в романе Адольфо Бьой Касареса «Изобретение Мореля» иллюзорных «образов» (подобий людей), в аспекте заданной в романе перцептивной рамки. **А. Л. Зорин** обращается к известному эпизоду «Войны и мира» Л. Н. Толстого — встрече Пьера и Наташи, рассматривая его через призму концепции «переживания», разработанной в немецкой герменевтике; в статье демонстрируется важная роль в построении этого эпизода, с одной стороны, литературной традиции в целом (конкретно — мотива узнавания), а с другой — биографического опыта самого Толстого, его представлений о жизни, любви, человеческой психологии. Статья **Е. Ю. Михайлик** посвящена различным реализациям темы гибели мира в творчестве М. А. Булгакова («Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», «Роковые яйца») — темы, в которой преломился личный и исторический опыт Гражданской войны. **А. Г. Степанов** предпринимает комплексный разбор «оттепельного» стихотворения О. Г. Чухонцева «Репетиция парада», анализируя его ритмическую структуру и выявляя его историко-культурные аллюзии. **В. А. Мильчина** реконструирует подоплеку, лежащую в основе упоминания И. С. Тургеневым в едином контексте французского философа Э. Кондильяка и русской католички С. П. Свечиной (роман «Отцы и дети»): ключ к разгадке обнаруживается в историческом анекдоте, отраженном в воспоминаниях князя П. В. Долгорукова.

Авторы следующей рубрики обращаются к разноплановым историческим памятникам. **Н. А. Кочеконская** на материале дипломатической переписки Ивана Грозного, с одной стороны, с Данией и Швецией, а с другой — с Ногайской Ордой, рассуждает о «европейских» и «восточных» дискурсах дипломатии Московского царства во взаимосвязи с представлениями о статусе контрагентов, диктующими использование терминологии «братства» или «холопства». **Е. В. Александрова** рассматривает эпизод с доставкой ко двору

египетского фараона Хуфхора (около XXIII в. до н. э.) пигмея-данга в качестве «божественного танцора», комментируя его с точки зрения мифологии (представления древних египтян о географическом и мифологическом пространстве; мифологические представления о «подземных карликах» и о телесных аномалиях обитателей иного мира).

И. Л. Савкина, статья которой составила рубрику «Топосы дневниковых записей», обращается к гендерному аспекту дневникового нарратива советской эпохи и демонстрирует различные (культурно обусловленные) стратегии, которыми диктуется изображение процесса старения и самой старости, в женских и мужских дневниках.

Завершает номер статья **А. А. Бобрехина** и **Н. Б. Граматчиковой**, составившая рубрику «Между текстом вербальным и визуальным», посвященная метатексту творчества наивных художников XX в. Авторы рассматривают творчество трех художников 1920–1930-х годов рождения (Э. А. Барцев, П. В. Устюгов, А. С. Чепкасов) с точки зрения соотношения визуального и вербального элементов (изобразительные произведения и подписи к ним; литературные, публицистические и дневниковые тексты художников; их рукописные книги).

* * *

Скоро год, как покинула нас Елена Петровна Шумилова (14.09.1940–01.10.2018), координатор издательских программ Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС, член редакции нашего журнала. Елена Петровна стояла у его истоков, до последних дней, пока еще могла работать, деятельно участвовала в его подготовке и издании. Светлой памяти этого удивительного, всеми нами любимого человека посвящается этот номер.